

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО ВОРА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Сухов, Евгений.

С91 Завещание старого вора / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Беспокойное лето 45-го. Послевоенный детектив).

ISBN 978-5-04-202000-1

В конце войны в своей московской квартире зверски убит адвокат Глеб Серебряков. Квартира ограблена. Следователь МУРа Ефим Бережной уверен, что злоумышленники искали что-то конкретное: на теле адвоката остались следы пыток. Бандиты оставили на месте преступления свои «визитки» — два карточных туза. Точно такие же метки оставляла после себя особо опасная банда, которая грабила и убивала людей еще до войны. Бережной поднимает старые дела и устанавливает, что во время задержания тех, довоенных, налетчиков бесследно пропала часть драгоценностей, которые сыскари использовали в качестве наживки, и что Серебряков играл не последнюю роль в том деле. Что, если смерть адвоката — это отголосок той темной и запутанной истории?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-202000-1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дело адвоката Серебрякова

ГЛАВА 1

Дурное предчувствие

13 июля 1944 года

Через маскировочные занавески в квартиру просачивался блеклый вечерний свет, погружающий ее в полумрак. Адвокат Глеб Серебряков сидел за письменным столом и потягивал из пузатой низенькой рюмки темно-коричневый душистый армянский коньяк двадцатипятилетней выдержки.

Жена его находилась в соседней комнате и слушала пластинку с чарующим, удивительно красивым голосом Варвары Паниной. Говорят, что сам Федор Шаляпин приходил послушать цыганку Варю. Ее голос с широким диапазоном бархатного низкого звучания буквально завораживал. Если его сравнивать с каким-то инструментом, то более всего он походил на виолончель, созданную талантливым итальянским мастером. Знающие люди утверждали, что у певицы была особая манера исполнения, сдержанная и в то же время невероятно сердечная.

Адвокат Глеб Сергеевич Серебряков невольно вслушался в колдовское звучание, доносившееся из приоткрытой двери. Ему вообще нравились женские певческие голоса, особенно те, которые звучали на

закате Российской империи. Они, вне всякого сомнения, входили в золотой музыкальный фонд.

В его обширной коллекции была представлена Надежда Плевицкая, одна из самых востребованных певиц начала двадцатого века. Слава ее была потрясающей. Сам Николай Второй называл ее «курским соловьем» и нередко приглашал на ужин во дворец. И было за что! Одна только «Лучинушка» в ее исполнении пробирала до дрожи. А русских народных песен в ее репертуаре насчитывалось десятки.

Но более всего адвокату Серебрякову нравилась Анастасия Дмитриевна Вяльцева. Ее уникальный по красоте голос просто не знал равных. Без всякого преувеличения можно было сказать, что в обществе ее боготворили. В течение короткого времени из простой статистки в балетной группе она превратилась в одну из самых известных и богатейших женщин Российской империи. Ее ранняя кончина воспринималась страной едва ли не как личное горе.

В зависимости от настроения Глеб Сергеевич слушал тех или иных исполнительниц. Когда он пребывал в хорошем расположении духа, ему более всего подходило пение Варвары Паниной. Если в душу закрадывалась меланхоличность, то наступало время Анастасии Вяльцевой, способной своим экспрессивным тембром ввести в самый настоящий транс. А уж если сердце разрывалось от минорных нот, то наступала очередь «Лучинушки» в исполнении несравненной Надежды Васильевны Плевицкой.

Сейчас душу его царапала скверна, и ему хотелось умерить нарастающее уныние именно ее пением, но жена, переодеваясь для выхода в Большой

театр, продолжала наслаждаться голосом Варвары Паниной, меняя одну пластинку на другую.

Глеб Серебряков был завзятым ценителем голосов начала двадцатого века. Он неустанно собирал пластинки, отдавал за них порой значительные суммы. Некоторые из этих приобретений были весьма редкостными, выпускались ограниченным числом и лишь для царской фамилии. Раритеты выменивались или покупались у таких же коллекционеров, как он сам. Иногда Серебряков отдавал за них нечто значимое из собственной коллекции. Так, например, за последнюю запись Изабеллы Кремер Глеб Сергеевич не пожалел трех пластинок Федора Шаляпина разных годов.

Бывало, что пополнить коллекцию ему помогал случай. Неделю назад он купил на Тишинском рынке граммофонные малотиражные пластинки Михаила Вавича «Грусть и тоска безысходная» и Юрия Морфесси «Маруся отравилась». Цена за них была чисто символической — две буханки хлеба и бутылка подсолнечного масла. Продавцом оказался старик лет семидесяти пяти, прекрасно разбиравшийся в музыке. Среди людского многоцветья, с вызывающей красной бабочкой на тощей шее, он казался декоративным цветком, правда изрядно увядшим.

Прежде чем отдать покупателю пластинки, старик успел рассказать ему немало интересного из жизни этих исполнителей. Оказалось, что Михаил Вавич, эмигрировавший в Америку, снимался в голливудских фильмах и умер в сорок девять лет от сердечного приступа прямо за рулем своего автомобиля. А Юрий Морфесси, осевший в Югосла-

вии, вступил там в артистическую бригаду Русского охранного корпуса, созданного белогвардейскими эмигрантами, служившими фашистам. Он ездил в Берлин и давал там концерты. Его пластинки до сих пор находились под запретом, так что старик здорово рисковал, продавая их в открытую на рынке.

Глеб Сергеевич допил коньяк, закурил сигарету, откинулся на спинку стула и пустил узкую быструю струйку дыма под хрустальную люстру. В какой-то момент он хотел попросить жену, чтобы она все-таки поставила Плевицкую, но тотчас передумал, решил, что не стоит досаждать ей минорными аккордами. Лариса пребывала в хорошем настроении, что следовало ценить, и испытывала приятное чувство от предстоящего посещения Большого театра. В этот раз там шла опера «Ромео и Джульетта» Шарля Гуно.

Причиной скверного расположения духа Глеба Сергеевича стали некоторые неприятности на работе. Пошел уже седьмой год, как он служил адвокатом, причем вполне успешно. Серебряков обзавелся солидной клиентурой, заполучил материальный достаток, заслужил уважение. Но вот последние несколько месяцев обстоятельства складывались против него. Формально коллегия защитников являлась самостоятельным органом, но в действительности ее деятельность едва ли не всецело зависела от прокуратуры, которая беспрестанно вмешивалась в работу адвокатов.

Взять хотя бы два последних дела. Первое из них о краже в магазине. Казалось бы, рядовое преступление, каковые в Москве совершаются каждый день, но неожиданно по указу «О военном положении»

дело было передано на рассмотрение военного трибунала. Как выяснилось немного позже, подзащитный Глеба Сергеевича полгода назад совершил преступление против социалистической собственности: ограбил склад с продовольствием. Дело принимало весьма серьезный оборот, и повлиять на решение суда было невозможно.

Один из приятелей подзащитного подошел к нему сразу после заседания суда и, перекладывая языком папиросину из одного уголка рта в другой, выдал невыразительным и холодным тоном:

— Ты хрусты получил? Сумма хорошая? Доволен остался? Вот теперь и отработывай их!

Серебряков выдержал тяжеловатый взгляд вора и ответил столь же спокойно, хотя и осознавал, что ему не удастся укрыться от мщения даже за толстыми дверями собственной квартиры:

— В том, что произошло, он сам виноват. Я с ним довольно откровенно разговаривал. Мой подзащитный уверял меня в том, что за ним нет более страшного греха, чем кошелек с мелочью, украденный у старой бабки. Если бы я раньше узнал о том, что он склад с хлебом ограбил, то мог бы построить другую линию защиты.

Дело его клиента будет решаться в ближайшие часы безо всякой защиты. Если он отделается длительным сроком, то можно будет посчитать, что ему невероятно повезло.

— Мы могли бы добиваться защиты по требованию судов. Там свой порядок выделения адвокатов, в том числе по делам, рассматриваемым военными трибуналами, — горячо проговорил Серебряков.

— А сейчас нельзя, что ли? — спросил вор.

Он мог бы вытащить окурок изо рта и аккуратно откинуть его в сторону. Со стороны данного типа это выглядело бы весьма уважительно по отношению к собеседнику. Но уголовник намеренно сцедил его с губ, давая понять, что спрос с адвоката будет большой.

По спине Глеба Сергеевича пробежал неприятный холодок. Он выдержал паузу, давая понять, что ему не все нравится в этом разговоре. На губах блатного промелькнула едва заметная усмешка. Они понимали друг друга без слов, может быть, потому, что слеплены были из одного теста, вот только играли за разные команды.

— Вот что я тебе скажу. Я не умею бодаться с государственной машиной. Ты не хуже меня знаешь, что у судей всегда на руках главные козыри. Можно было бы попробовать сыграть против государства похитрее и потоньше. Но сейчас момент безнадежно упущен. Я, конечно, буду делать все, что от меня зависит, но обещать положительный результат не рискну, — проговорил Серебряков ледяным тоном.

За себя Глеб Сергеевич не беспокоился. Ему и не с такими вещами приходилось сталкиваться. Он знал, что уголовники его не тронут. Таков неписанный свод воровских правил. Но вот за жену Глеб Сергеевич переживал всерьез. Уголовники могли наказать ее из-за его несговорчивости.

На теперешнюю свою должность Глеб Серебряков попал не сразу. Сначала он отработал положенные три года в Московском уголовном розыске, а потом перешел в коллегиию адвокатов. Уголовный

мир и своих будущих клиентов он представлял хорошо. Они знали его прежнюю репутацию и не особенно сторонились состоявшегося адвоката. Так что клиентуру он расширил быстро.

За годы оперативной работы в нем обострились чувства, несвойственные обычному человеку, например ощущение опасности. При разговоре с клиентом Глеб Сергеевич отчетливо представлял, что следует от него ожидать. Собеседник мог пребывать в хорошем расположении духа, смотреть на адвоката с безмятежным лицом ангела и источать любезность. Но Серебряков всегда знал, в каком кармане у него находится заточка и в какой именно момент тот рассчитывает нанести смертельный удар. Интуиция дважды спасла ему жизнь.

Еще Глеб Серебряков научился чувствовать слежку. Между лопатками у него начинался зуд. Далее следовало незаметно обернуться и утвердиться в собственных опасениях. Они его не обманули ни разу.

Вчера вечером на улице он почувствовал некую тревогу, на первый взгляд вроде бы необъяснимую. Глеб Сергеевич прекрасно осознавал, что она не возникает из ниоткуда. Его глаза уже зафиксировали скрытую опасность и передали сообщение в мозг, который, в свою очередь, мгновенно среагировал на внешнюю угрозу. У него зачесалась спина.

Серебряков украдкой обернулся и увидел в тридцати шагах от себя человека, стоявшего подле придорожной липы и пристально смотревшего в другую сторону. По тротуару проходили люди, парами, переговариваясь между собой, в одиночестве, а то и

плотными группами. Они даже не смотрели в его сторону.

Человек, стоявший у липы, совершенно не вписывался в толпу, был чужеродным элементом, не подчинялся ей и как бы существовал по собственным законам. Его вообще не интересовало окружающее пространство, хотя он старательно делал вид, что это не так. Вот сейчас пропустит дребезжащий грузовик и перейдет через дорогу.

Этот субъект был одет в серый шерстяной костюм в белую тонкую полоску, брюки опущены поверх сапог, смятых в гармошку. Типичный уголовный типаж, у которого водятся приличные деньжата. Таких персонажей сейчас в городе было немало.

Глеб Серебряков слепил озабоченное лицо и потопал дальше. Пусть этот фрукт укрепитесь во мнении, что его не раскрыли.

Оставалось загадкой, кто именно за ним следил: уголовный розыск или какой-то фраер, нанятый местными бандитами. Поразмыслив, Серебряков решил, что это кто-то из местной шпаны. Уголовный розыск будет действовать тоньше, не станет столь назойливо дышать в затылок.

Лариса весьма успешно подпевала Варваре Паниной, совершенно не подозревая о его внутренних резонансных вибрациях.

Кому он мог помешать? Вроде бы в последнее время у него не было каких-то серьезных дел, которые могли бы перерасти в крутые неприятности.

Была у Глеба Сергеевича и еще одна причина для беспокойства, могущая весьма болезненно ударить по размеренной семейной жизни, — домработница

Дарья, с которой у него образовались весьма сложные взаимоотношения. С этим тоже следовало что-то делать. Жена о его тайной привязанности пока не догадывалась, иначе учинила бы грандиозный скандал. Она просто собрала бы свои вещи и съехала бы к матушке. А женой Глеб Сергеевич дорожил. Все-таки десять лет брака просто так из жизни не вычеркнешь.

Дверь широко распахнулась. Вместе с усиливающимся голосом Варвары Паниной в зал стремительно вошла жена в темно-зеленом приталенном платье с широким поясом и в черных туфлях на высоком каблуке. На воротнике красивая гранатовая брошь, каштановые волосы собраны в высокую копну.

Она ослепительно улыбнулась, показав ровные перламутровые зубы, и осведомилась:

— Как я тебе?

— У меня нет слов! Очаровательна, как всегда. Другой ты просто быть не можешь.

— Значит, ты одобряешь мой выбор? А то я даже не знаю, какое платье надеть.

— Очень хорошо, когда есть из чего выбирать. Сегодня в театре ты всех сразишь своим нарядом.

— Ты у меня такой милый, — сказала жена, наклонилась и поцеловала мужа в щеку, окатив тонким ароматом духов. — Это ведь все благодаря тебе. А ты чего не собираешься?

— Все думаю, какой мне повязать галстук, — улыбнувшись, отвечал Глеб Сергеевич.

Лариса отнеслась к такому объяснению со всей серьезностью, призадумалась на секунду и произнесла:

— Может, темно-синий в белый горошек? Он очень тебе идет.

— Ты находишь? — удивленно протянул Глеб Сергеевич. — Мне казалось, что он меня как-то старит.

— Скажешь тоже! Это в твои-то годы! Ты еще лет двадцать можешь ни о чем не волноваться. У тебя даже морщин нет! А из обуви что?.. Может, черные ботинки?

— Они мне немного натирают. Лучше коричневые. Они как-то поторжественнее будут. Все-таки в Большой театр идем. А помнишь, двадцать второго июня сорок первого мы пошли туда? Тогда там как раз была премьера оперы «Ромео и Джульетта». Больше она в Большом и не шла. Сегодня второе представление за всю войну.

— Помню, конечно. Вот только никто из нас тогда не думал, что война будет такой долгой.

В гостиную из кухни неслышно вошла Дарья, милое расторопное существо, помогавшее жене по хозяйству.

— Глеб Сергеевич, я у вас отпрашивалась позавчера. Вы мне сказали, что отпустите меня сегодня пораньше. Родственница приезжает. Ее нужно встретить и...

— Помню, не забыл, — перебил девушку Серебряков.

Не самое хорошее время, чтобы отпускать домработницу, оставлять квартиру без присмотра. По Москве прокатилась череда краж, бóльшая часть из которых так и осталась нераскрытыми. В уголовном розыске существовало предположение, что в столице действовали несколько банд гастролеров. Однако

тактика у них у всех была одна. Грабнули богатую хату, тотчас съехали из города и возвратились, когда закончились деньги.

Но Глеб Серебряков, опираясь на свой прежний опыт сыскаря, видел эту проблему иначе. Он считал, что в городе орудовала какая-то крепкая и очень сплоченная банда, имевшая хитрого и весьма умного главаря. Свидетелей ограблений не наблюдалось, следов на месте преступления тоже не оставалось. Уголовники работали чисто, тщательно подбирали адреса, прекрасно знали расписание домочадцев, заявлялись на квартиры только тогда, когда в них никого не было, и взламывали замки.

Специализация «домушник» в уголовной среде являлась весьма уважаемой. Она требовала от человека большой подготовки и готовности идти на крайний риск. А там, где адреналин зашкаливает, нередко случаются и особо тяжкие преступления. Однако пока как-то все обходилось. Банда на убийство не шла. Но это был только вопрос времени.

Было бы правильнее, если бы Дарья все-таки этим вечером осталась дома, но ее просьба оказалась столь настойчивой, что Глеб Сергеевич вынужден был согласиться. Да и как же можно отказать таким выразительным глазищам?

— Иди, Даша. Мы же договорились.

— Ой, спасибо большое, Глеб Сергеевич! — с радостью произнесла девушка.

— Только не забывай, в девять часов утра ты должна быть здесь, — напомнила ей Лариса Васильевна. — Нужно будет сделать генеральную уборку, вымыть стекла. Мы хотели бы пригласить друзей.

— Да, конечно, — с некоторой обидой в голосе произнесла домработница. — Я даже раньше пойду.

— А вот раньше не нужно, — с улыбкой проговорил Серебряков. — Ведь утренний сон самый сладкий.

Дарья надела туфельки, подхватила с вешалки брезентовую сумку, попрощалась, выскочила за порог и неслышно прикрыла за собой дверь.

Гнетущее настроение адвоката усиливалось. Откуда оно взялась? Давило, накатывало, перехватывало дыхание, буквально держало за глотку. Просто так эта заноза не проходит. Такому чувству есть какое-то объяснение. Осталось только найти его.

Серебряков поднялся и подошел к окну. С третьего этажа хорошо просматривался пустынный, заросший старыми липами двор. Большинство людей сейчас находилось на работе. Старики сидели по домам. Двор пересекла женщина лет семидесяти с небольшой сумкой в правой руке. Она приостановилась, перевела дыхание, переложила ношу в другую руку, слегка сгорбилась и потопала дальше.

Неожиданно в дверь кто-то позвонил.

Тревога Глеба Сергеевича усилилась.

«Кто же это может быть? Ведь никого не ждем».

— Глеб, открой, пожалуйста. Это Маришка из сорок первой квартиры пришла. Я ей вчера туфли отдавала. Она на концерт с мужем ходила. Сказала, что принесет перед нашим уходом. Может, я их надену. Они как-то понаряднее будут.

— Ну как знаешь, — буркнул Серебряков и пошел открывать дверь.

ГЛАВА 2

Убийство на Ямской

Начальник отдела по борьбе с бандитизмом Московского уголовного розыска майор Бережной Ефим Григорьевич пришел со службы около двенадцати часов ночи. Выглядел он усталым, озабоченным, был задавлен невеселыми мыслями, неразговорчив. Ефим едва поздоровался с женой, выскочившей навстречу, и отправился в ванную комнату. Там он долго мыл руки, потом ополоснул холодной водой лицо, несколько посвежел и прошел в комнату.

— Где Люся? — спросил Бережной, устраиваясь за столом.

— У нее сегодня была вторая смена, потом ее на какие-то курсы от завода отправили. Предупредила, что будет ночевать у подруги.

— Почему она не сказала об этом мне? — Бережной нахмурился. — Или мое слово уже ничего не значит?

— Ты был на работе, — попыталась успокоить мужа Прасковья.

— Могла хотя бы позвонить.

— Ефим...

— Что? — удивленно посмотрел Бережной на жену.

— Она хотела с тобой поговорить.

— О чем?

— Я не знаю. Она тебе сама все скажет.

На столе уже стоял разогретый куриный суп, на небольшой тарелке лежали два куска ржаного

хлеба. Ефим Григорьевич вдохнул аромат супа и взял ложку.

Прасковья, выучившая мужа за двадцать лет совместной жизни едва ли не назубок, не приставала к нему с расспросами. Она сидела в сторонке и, подперев аккуратную ухоженную голову кулачком, наблюдала за тем, как тот неторопливо, продувая каждую ложку горячего супа, ужинал.

Ефим буквально размякал и добрел с каждой порцией проглоченного варева. Прасковья видела, как уходили переживания этого дня. Ее муж понемногу становился прежним, каковым она его любила.

Ефим Бережной посмотрел на жену, сидевшую рядом, попытался улыбнуться. Однако получилось это у него как-то очень тускло, под стать вечерней усталости.

Весь прошедший день он вместе со своими подчиненными проверял жилой фонд. Большинство граждан работало сейчас по двенадцать часов в сутки, так что значительная часть жилья на долгое время оставалась без надзора. Преступники чувствовали себя в опустевших домах весьма вольготно. Квартирные кражи выходили на первое место среди всех уголовных преступлений.

Сегодня милиционеры целый день занимались осмотром домов. Уже в первой многоэтажке они обнаружили шесть ограбленных квартир. Преступники действовали безо всяких затей, были уверены в своей безнаказанности. Короткими ломиками, называемыми в народе фомками, они взламывали входные двери, проникали в жилище, забирали деньги, дра-

гоценности, одежду и обувь, все, что можно было быстро продать на рынке, и тотчас уходили.

Нельзя сказать, что такие рейды были чем-то особенным. Милиция практиковала их все время, вот только в последние месяцы ограбленного жилья становилось все больше. Особенно доставалось квартирам граждан, призванных в Красную армию. Они буквально годами стояли безо всякого присмотра и находились на особом счету у преступников.

Однако сегодняшний день морально был особенно тяжел. Бандиты ограбили квартиру Олега Харитонов, его одноклассника, воевавшего сейчас на Первом Украинском фронте. До войны Ефим Григорьевич не однажды бывал в этой квартире, прекрасно был знаком с его отцом Федором Евграфовичем, профессором, доктором географических наук, и с матерью Лидией Ивановной, известным искусствоведом. Она скончалась в самом начале войны.

Олег был поздним ребенком, он появился на свет, когда обоим его родителям было далеко за сорок. По просьбе своего друга майор Бережной не однажды навещал престарелого профессора и, как уж мог, старался облегчить его судьбу. Последний раз он был у Федора Евграфовича с месяц назад, застал его вполне деятельным, бодрым, выпил вместе с ним крепкого чая с печеньем и вернулся в отдел. После этого Бережной несколько раз звонил старику. Голос профессора был звонким, даже где-то боевитым, что не могло не радовать.

Так уж получилось, что последняя неделя выдалась у Ефима Григорьевича весьма напряженной. У него не было возможности навестить профессора

и провести время в обстоятельном разговоре с ним. Он позвонил ему вчера в середине дня, но профессор трубку не взял. Повода для беспокойства вроде бы не было. Мало ли где тот мог находиться в обеденный час? Однако утром Бережной опять не сумел дозвониться до Федора Евграфовича. В душу его стало закрадываться беспокойство. Поэтому сегодня при плановом обходе жилых домов майор милиции решил посетить квартиру профессора.

Пятиэтажный дом Федора Евграфовича был вторым на очереди. Уже поднимаясь на лестничную площадку третьего этажа, Бережной почувствовал нечто недоброе. Сердце его стучало гулко и взволнованно. Он даже не удивился, когда подошел к двери и увидел, что она слегка приоткрыта.

Милиционеры вошли вовнутрь.

Ефим Бережной прекрасно помнил, какой квартира профессора была до войны, когда здесь хозяйничала Лидия Ивановна. С ее преждевременным уходом жилище как-то сразу поблекло и обветшало, как будто у него забрали душу. Сейчас он видел перед собой лишь осколки того прежнего великолепия, каковое его встречало здесь до войны. Громоздкий дубовый лакированный шкаф, стоявший в самом углу комнаты, теперь выглядел архаичным и некрасивым. Хрустальная люстра, некогда несомненное украшение просторного зала, потускнела и посматривала на сотрудников милиции как-то мутно, весьма неприветливо.

Квартира была ограблена. Бережной понял это, едва перешагнув порог. В этом жилище он помнил каждую вещь. Все они годами находились на